

RU

Символика и функции обрядово-ритуальной пищи карачаево-балкарского народа в календарных праздниках осеннего цикла в XIX – начале XX в.

Хаджиева М. Х., Аджиева Л. А.

Аннотация. Целью настоящей работы является исследование символики и функций обрядово-ритуальной пищи карачаево-балкарского народа в цикле осенних календарных праздников, связанных с завершением хозяйственного года в XIX – начале XX в. Научная новизна заключается в том, что традиционная карачаево-балкарская пища представлена как категория специальной, сакральной еды. В результате тщательного анализа мы пришли к выводу о том, что в обрядах календарного цикла, связанного с пищей, четко выступает его хозяйственная основа, зависимость семьи и общества от смены сезонов и природно-климатических условий и, конечно, этническая принадлежность. Обрядово-ритуальная пища является не просто едой для насыщения, а подношением Богу, покровителям стихий и предкам, гарантирующим богатый урожай, многочисленный приплод, счастливую жизнь и достаток.

EN

Symbolics and Functions of Autumn Festival Ritual Food of the Karachay-Balkar People (the XIX – Early XX Century)

Khadzhieva M. K., Adzhieva L. A.

Abstract. The paper analyses symbolic functions of the Karachay-Balkar ritual food associated with autumn holidays at the end of the agricultural year. The study covers the period from the XIX till the beginning of the XX century. Scientific originality of the research lies in the fact that the traditional Karachay-Balkar food is considered as a special kind of sacred food. The conducted analysis allows concluding that seasonal food rituals have an economic basis, clearly reveal human dependence on seasons and climate, represent specificity of ethnic worldview. Ritual food is not just food, but an offering to the God, lords of the elements and ancestors. This ritual serves to ensure fertility, happiness and welfare.

«Я дарю тебе к светлому празднику множество всяких странных вещей: звон неожиданных звонков, запах блюд, не стотворенных вовсе...» [16, с. 177].

Булат Окуджава

Введение

Актуальность. Опыт предшествующих поколений и эпох, закреплённый традицией, лежит в основе обрядовой культуры. Несмотря на то, что обрядово-ритуальная пища является одним из самых устойчивых элементов материальной культуры, в современных условиях жизни сфера бытования традиционной обрядности постоянно сужается, многие ее элементы исчезают или находятся на грани исчезновения. К XX в. календарная приуроченность многих видов обрядовой пищи постепенно отходит на второй план, происходит утрата ее магических функций. Утрата традиций неизбежно ведет не только к угасанию народной культуры, но и к размыванию этнической и региональной идентичности.

Задачи:

- во-первых, исследовать значимость пищи в осенних магических ритуалах как отражение религиозного переплетения тенгрианства, христианства и ислама;
- во-вторых, проанализировать данные о роли и месте отдельных видов пищи в магических действиях в переломные моменты года, а в частности, при завершении сельскохозяйственных работ;

- в-третьих, выявить механизм воздействия жертвоприношений и даров на заключение общинного договора с высшими силами в осенней календарной обрядности.

Методы исследования. Основными методами являются полевые исследования и изучение письменных источников. Также используются сравнительно-исторический и системный подходы.

Теоретической базой исследования являются труды И. М. Шаманова, К. М. Текеева, И. М. Мизиева, М. Ч. Кудаева, Риммы А.-К. Ортабаевой, Т. М. Хаджиевой, М. Ч. Джуртубаева, Ф. А. Урусбиевой.

Практическая значимость. Данное исследование заполняет пробелы, связанные с изучением этнической истории и культуры карачаево-балкарского народа. Материалы исследования могут быть использованы при чтении спецкурсов по этнографии, этнологии, религиоведению и фольклористике, а также при подготовке учебных пособий для вузов и средних школ Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик.

Основная часть

Карачаево-балкарцы – древнейший народ Кавказа, занимающий ущелья и предгорья Центрального Кавказа по долинам рек Кубань, Большой и Малый Зеленчуки, Лаба, Малка, Баксан, Чегем и Черек с их притоками. К тому же карачаево-балкарский народ является одним из самых высокогорных тюркских народов, такие вершины, как Эльбрус, Дых-тау, Коштан-тау, Гюльча, расположены на территории Карачая и Балкарии.

Культурное наследие карачаево-балкарского народа – это симбиоз кавказских и тюркских культурных особенностей. Истоки языческой культовой организации также дуалистичны, их корни уходят в древнетюркскую и древнекавказскую историю.

Современное переосмысление состояния обрядово-ритуальной культуры не может быть достаточно полным без более глубокого изучения роли тенгрианства в духовной жизни карачаево-балкарского народа. Тенгрианство – монотеистическая религия, основанная на вере в единого Бога, в которой воплощены ранние космологические, религиозные и мифологические представления. Тенгрианство – универсальная система, объясняющая все явления, происходящие в природе: представление о ежегодном обнулении и обновлении мира, моментах разрыва обыденного, о качестве этого времени, о возможности возродиться и возможности влиять на него в положительном для себя русле с помощью мощного оружия в виде молитв-заговоров, бескровных даров и жертвоприношений сверхъестественным силам и духам предков. Тенгрианство очень доступно доносило до человека главные обобщающие механизмы исходной сакральности сотворения мира: «Тейри Солнца сотворил солнце. Тейри Земли сотворил землю. После них были сотворены моря» [6, с. 156]. Неограниченным владыкой мира и всех богов-творцов, покровителей и патронов, борцом с хтоническими существами, великим героем богом Тейри созданы люди. Как отмечал Феофилакт Симокатта, «тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют Богом. Ему в жертву они приносят лошадей, быков и мелкий скот и своими жрецами ставят тех, которые, по их мнению, могут дать им предсказание о будущем» [7, с. 386]. Культ Тейри зафиксирован на всей территории Центральной Азии, Южной Сибири и Северном Кавказе. Моисей Каганкатвази сообщал, что гунны скрепляли заключение союза «богу Тангри – хану... приносили в жертву коней на кострах» [17, с. 124]. Тейри являлся верховным богом у всех тюркских народов: гуннов, булгар, хазар, савир, половцев. Образ Бога Тейри «не получил ни зооморфного, ни антропоморфного облика» [20, с. 10].

Как отмечает Л. Я Штернберг, «культ неба возник из культа солнца» [28, с. 91]. Карачаево-балкарцы называют Тейри «Кюн Тейриси» («Тейри Солнца»), «Кёк Тейриси» («Тейри Неба»). Астрально-солярные изображения, отображенные в изделиях из теста, дерева, вышивках, тамгах, в узорах киизов и ковров, используются и в современных обрядах и ритуалах календарного цикла, являясь «остатками религии поклонения солнцу» [2, с. 178].

Тейри обладал универсальными функциями: он вездесущ, всемогущ и вечен. Как пишет И. М. Шаманов, культ «был унаследован, а не заимствован предками карачаевцев и балкарцев в тюркской среде» [26, с. 156]. «В карачаево-балкарской мифологии слово “Тейри” имеет два лексических значения. Помимо конкретного верховного божества, слово “тейри” выражает понятие Бога вообще» [14, с. 132]. Следует отметить, что с принятием ислама «термин “Тейри” стал пониматься и объясняться как одно из 99 имен Аллаха» [26, с. 158].

Смена религиозной системы произошла в начале X в., «активная христианизация населения Алании проводилась в годы понтификата константинопольского патриарха Николая Мистика (901-907 и 912-925). О глубине приобщения к новой религии свидетельствует и то, что часть населения хоронилась по христианскому обряду» [9, с. 73].

Миссионерская работа велась на протяжении трех веков (для объяснения христианского вероучения и проведения служб посылали миссионеров, владеющих тюркским языком) вплоть до включения Алании в состав Золотой Орды. В XIV-XV вв. часть карачаево-балкарского народа по-прежнему придерживалась христианского вероисповедования. Следует отметить, что и после принятия христианства язычество не исчезло, оно переплелось с новой религией.

Памятники эпиграфики Нижне-Архызского городища, датируемые «1041 годом» [1, с. 190], являются свидетельством того, что ислам стал проникать к предкам карачаево-балкарского народа еще в аланскую эпоху, но основательная исламизация Карачая и Балкарии началась в XVIII в. Несмотря на это, еще в 1846 году Н. Я. Данилевский писал о том, что у балкарцев и карачаевцев «заметны следы прежнего христианства, ибо они сохраняют, почитают воскресные дни и развалины древних церквей, осеняют себя крестом» [5, с. 27]. Следует отметить, что и в настоящее время в карачаево-балкарском народе используются имена христианских

святых в названиях дней недели и месяцев, сохраняется трепетное отношение к архитектурному наследию предков: аланским храмам, церквям и мавзолеям.

В XVIII в. началось внедрение лунного календаря, который служил для расчетов религиозных праздников, но он не смог заменить солнечный. Интерес представляет и тюркское летоисчисление по двенадцатичерно-животному циклу, который «был известен карачаевцам и балкарцам в доисламский период» [27, с. 12], но он также не вытеснил традиционный народный земледельческо-пастушеский календарь и использовался для определения возраста, времени смерти родственников и запоминания важных событий государственного, местного и узкосемейного масштаба.

Календарная обрядность привязана к пограничным периодам года и представляет круговорот жизни и смерти, начиная с периода зимнего солнцеворота – Кыш-Нартур, когда рождается новое солнце, продолжаясь в многочисленных обрядах, приуроченных к весеннему равноденствию, переходящим в летнее солнцестояние и заканчивая осенним равноденствием и постепенным угасанием живительной силы светила.

Обряды и ритуалы являются своего рода хранителями прошлого, которые законсервировали отдельные элементы весьма архаичных структур мифологической семантики, состоящей из отдельных кирпичиков мироощущений: сакральное/мирское; свет/тьма; небо / земля / мир мертвых; свое/чужое; далекое/близкое. Ритуал всегда имеет магическую составляющую и точное до малейших деталей соблюдение определенной последовательности действий, которые почти всегда приводят к предсказуемому, заранее известному и ожидаемому результату, что успокаивает, придает уверенность, вселяет ощущение безопасности.

Вся традиционная календарная обрядность карачаево-балкарцев является отражением ряда монотеистических религий и архаических религиозных представлений. Жертвоприношения и бескровные дары богам, покровителям, патронам, хозяевам и «кормления духов предков» являлись наиболее распространенной формой почтительно-умилостивительных обрядово-ритуальных действий в карачаево-балкарской культуре. В качестве обрядово-ритуальной пищи использовали то, что даровал Тейри и остальные мифологические объекты, а также то, что вырастил и произвел с их помощью человек – свежее мясо, яйца, сыры, сырое и переработанное зерно, зерновые напитки.

Наиглавнейшим жертвоприношением, начиная с языческого времени, являлось животное (кони, быки, овцы, ягнята). Принося его в жертву, человек желал и ожидал приумножения, удвоения количества домашних и диких животных и подразумевал следующее: «...я даю тебе душу жертвенного животного, чтобы ты дал мне много подобного» (ПМА. Хаджиев). В книге Бытия говорится: «...только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Быт. 9:4) [4]. Запрет звучит и в священном Коране: «Запретил Он вам только мертвечину, кровь, свинину и то, над чем призывалось имя не Аллаха...» (Сура 2. Корова, 173 аят) [11]. Из века в век менялись институты культового управления, оставляя неизблемыми правила принесения жертвенных животных.

Самой ценной жертвой в исследуемый период был бык, он был олицетворением небесной и водной стихий и сочетал в себе несколько образов: бык ветра, бык воды, бык огня. Это животное олицетворяло борьбу зимы и весны и являлось символом прошедшего года («былтырдан огюз», то есть прошлогодний бык), а также оно считалось покровителем плодородия – красным быком «Кызыл Фук», живущим между небом и землей в хрустальной крепости. Чуть ранее, до принятия ислама, в жертву приносили коней: «...конь выступает проводником, охранителем и защитником, является символом единения тьмы и света, жизни и смерти, а также победы человека над самим собой» [24, с. 88], «...принесение в жертву коня обеспечивало возрождение, физическую и духовную энергию, плодovitость. Символика коня чрезвычайно сложна: типичный символ плодородия, мужества и мощной власти, проводник между двумя мирами, связанный со смертью и погребальным культом, положительный символ со всех сторон. Главный боевой товарищ героя, помощник во всех подвигах. В карачаево-балкарском нартском эпосе богатырский конь, как кажется, относится к верхнему, светлому пантеону богов и выступает противником нижнего хтонического мира, несмотря на некоторые, не свойственные лошадям функции, присущие больше драконам или змеям, представители мира хаоса, подземного мира, они связаны как со смертью, так и с воскресением» [23, с. 197].

Важной бескровной жертвой считались продукты переработки зерна: пироги, печенья, каши, ячменное пиво и брага, ячменный и овсяный кисель. Назначение ритуальных хлебов: «гырджын», «чурек», «калач», «ючкюль гырджын»; пирогов: «хычын», «берек», «башила-берек», «кьатлама»; фигурных печений: «тишмек», «чыкьырт», «терткюль локьум», «ючкюль локьум», «узун локьум», «хыбырт локьум», «той локьум», «чыпчыкь локьум», «джулдуз локьум», «кьач локьум», «мет локьум», «гумай гюттю», «кьач гюттю», «артхы гюттю», «кьалакь локьум», «бал-халпама» [22, с. 12]; каши: «баста», «ашира джирна», как наиболее сакральной пищи наделенной магической силой – это дар Тейри богам «второго разряда», духам предков, а также это акт «перераспределения», получение/выделение своей доли «юлюш» для продолжения человеческого рода. Цель «кормлений» – приобретение расположения Бога, покровителей стихий и предков. Это наиболее распространенный и действенный ритуал в обрядовой системе календарных и семейных мероприятий. Во всех календарных обрядах на протяжении всего годового цикла достаточно отчетливо проявлена связь плодородия, изобилия и благополучия с поминанием и «кормлением».

Календарные обряды сопровождали человека в течение всего года и были связаны с природным циклом. Земледелие для карачаево-балкарского народа в силу природно-климатических условий не могло играть ведущей роли в его экономике. «Несмотря на небольшую численность и локальное проживание в суровых условиях высокогорья, карачаевцы и балкарцы сумели вывести и сохранить свои породы крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз и собак» [25, с. 15].

«В конце XIX – начале XX в. по количеству скота, приходившегося на один двор, Карачай занимал первое место среди горских областей Северного Кавказа» [10, с. 37]. В Балкарии, по сведениям Н. П. Тульчинского, «в пяти обществах насчитывалось: крупного рогатого скота – 46558; овец и баранов – 223786; лошадей – 5900 (сюда не вошли лошади поселков Гижигит и Гирхожан Урусбиевского общества)» [19, с. 86].

П. Н. Кулешов писал: «В результате многовековой хозяйственной деятельности, карачаевцы методом народной селекции создали особую породу овец, широко известную на Кавказе» [13, с. 204]. Они были превосходно приспособлены к жизни в горах, в сильно увлажненных местах с каменистыми крутыми склонами. «Существовала порода карачаевских и балкарских быков хорошего сорта, отличавшаяся силой, выносливостью и неприхотливостью, так называемой горской породы» [8, с. 171].

Скотоводство было процветающей отраслью экономики Карачая и Балкарии, оно являлось главным хозяйственным занятием с древнейших времен, недостатка в мясомолочных продуктах не было, в отличие от зерновых.

Разнообразие крупяной и мучной пищи в регионе, где основным средством жизнеобеспечения являлись продукты скотоводства, связано с древними земледельческими традициями предков карачаево-балкарцев – скифов, алан. В хозяйственном быту карачаевцев и балкарцев проявляется много черт, которые восходят к эпохе древних кобанцев: земляные ямы для хранения ячменя, проса, пшеницы; обоюдоострая коса, деревянные грабли, вилы с наконечниками из козьих рожек, а также традиции, связанные с обработкой шерсти, кож и приготовлением различных мясомолочных продуктов. Земледелие, в исследуемый период, оставалось, как и в древности, почитаемым занятием, о чем свидетельствуют поговорки: «Мал Тейриси джер Тейрисине табыныр» / «Бог скота поклоняется богу земли», «Байлыкь джердеди, джер сюрмеген байынмаз» / «Земля – богатство, кто не пашет, богатым не будет». В пожеланиях «алгышах» говорится: «Пусть урожаем будет так хорош, что четвертью не измерить колос, пусть хлеба будут так густы, чтобы между ними змея не могла проползти».

Феофилакт Симокатта не без основания писал о том, что тюрки «поют гимны земле» [21, с. 161]. Земля ценилась очень высоко, ее передавали по наследству, обрабатывался каждый кусочек земли, террасировались склоны гор в верховьях Череча, Чегема, Баксана, Кубани, Больших и Малых Зеленчуков, строились оросительные каналы «илипин», уваживалась почва.

А. А. Бестужев-Марлинский, посетив Балкарию, был впечатлен «невероятным трудолюбием, смелостью, вольнолюбием балкарцев и гордостью за свою землю» [3, с. 139].

Аграрный культ занимал важное место в жизни народа, отобразившись в разветвленной системе воздействия на землю: патрон молотбы, покровитель грозы и ветра – Эрирей, бог земли Дауле; воды – мать Воды Суу-Анасы, Мамметтир; воздух – грозные божества Чоппа, Шибла, Элия, дух ветров Горий и, конечно, всемогущий, вездесущий с универсальными функциями – Бог Тейри.

В цикл осенних обрядовых мероприятий входят: уборочная страда, включающая сенокос «чалкыгъга чыгъуу», жатву «оракъгъга чыгъуу» / «ташыулла», молотбу «ындыр-басхан» (сентябрь), осеннюю стрижку овец и баранов «кыркъуу» (октябрь-ноябрь), а также завершение сенокоса «биченлик» (ноябрь), возвращение стада к зимовникам «малны къачдан сорасы» (ноябрь), случную кампанию, запуск баранов «къочхаркъошуу» и козлов «теке ийык» (начало декабря).

Несмотря на то, что обрядов, сопровождающих уборку урожая, значительно меньше, они были одними из самых ритуализированных комплексов осеннего цикла. В Карачае и Балкарии они группировались в несколько комплексов. Первый включает совершение особых молитв-заговоров и жертвоприношений перед началом жатвы. Во второй входят действия с первым и последним снопом. Третий связан с выпеканием ритуального первого хлеба и пирогов с различной начинкой.

Перед началом земледельческих работ обязательно приносили жертвоприношения Тейри, покровителям стихий и, конечно, духам предков. В честь божества Чоппа совершали жертвоприношение козы или барана, шкуры до конца уборки не убирала (ПМА. Богатырев).

К жатве «оракъгъга чыгъуу» и сенокосу «чалкыгъга чыгъуу» приступали в назначенное служителями культа «къарт-къуртха» время. По окончанию жатвы для восстановления баланса затраченных жнецами сил и сохранения плодоносящих сил земли из последних сжатых колосков выпекали особый пирог «оракъхычын» (жатвенный пирог). Его выпекали из муки различных злаковых (ячмень, пшеница, рожь) с начинкой из сыра и творога (в пропорции 1 к 1) и большого количества сметаны (ПМА. Эбзеева). Изделия из муки нового помола, и в особенности последние колоски, наделялись особой силой. Карачаево-балкарский народ считал, что в зерне заложена огромная сила, побеждающая смерть и тлен, а также наделяли зерно особыми качествами умирающего и воскресающего символа, которые позволяют ему дарить новую жизнь.

После сбора овощей, плодов и ягод выпекали пироги с различной начинкой – «обьяр хычын» из тыквы, сыра и масла, «кёгет хычын» из мятых груш, яблок, абрикосов, «зюдюр хычын» из спелых ягод ежевики и малины. В благодарность богам за изобилие «берекет» варили кашу из дробленых злаков – «ашира джырна», состоящую из семи или девяти компонентов.

Выход на сенокос – это большое праздничное событие, в особенности для молодежи, впервые участвующей в таком серьезном мероприятии. Праздник сопровождался жертвоприношением быка и нескольких овец, косарям подавали слабоалкогольный напиток «боза», приготовленный задолго до праздника, из урожая прошлого года. Косарей развлекал ряженный «теке», на роль которого выбирали веселых, словоохотливых, острых на язык молодых мужчин. Маска козла «теке» считается самым древним символом плодородия и плодовитости. Карачаево-балкарский народ полагал, что сила, выносливость, стойкость, способность выживать в самых сложных природно-климатических условиях – все эти качества передаются земле (ПМА. Узденова).

На празднике ели, пили, желали косарям убрать без потерь сено и здоровыми дожить до следующего урожая. А также девушки и парни исполняли особый обрядовый танец «Зыма», имитирующий движения косарей (тип имитативной магии), пели охранительную песню-заговор (словесная магия) «Сабанчыны джыры», в которой просили Тейри и покровителей стихий оградить их от дождей, ветров, помочь им собрать урожай. Если в XIX в. обращались с мольбой к Тейри, то в начале XX в. обращались как к Тейри, так и к Аллаху (ПМА. Ортабаева).

Как отметил информатор, несмотря на то, что слова песни «Сабанчыны джыры» в памяти не сохранились, она помнит, что это особенная песня-заклинание, воздействующая на людей и сверхъестественные (божественные) силы.

Перед выходом на «биченлик» выпекали особые пироги большого размера – «тыпчынай хычын» с начинкой из свежих листьев крапивы, сыра, яиц и небольшого количества жира. Каждое домовладение обязано было надеть едой (пироги, колбасы, берекле, чыкьыртла) – долей «юлюшем» соседей и родственников, что служило гарантом благополучного исхода мероприятий по заготовке кормов. Во время тяжелых физических работ, особенно во время покоса, для быстрого восстановления сил использовался кисломолочный напиток – суусаб. Восстанавливающий суусаб готовили, разбавив айран водой или нарзаном и добавив в смесь жареных и перемолотых в муку злаков и целого зерна. Это могли быть зерна ячменя, пшеницы, кукурузы, реже пшеница (ПМА. Богатырев).

Система ведения отгонного скотоводства – единственно возможная в данных условиях проживания, которая позволяла обеспечить население всем необходимым для их жизнедеятельности. Скотоводство было главным хозяйственным занятием карачаево-балкарского народа. Божеством-покровителем крупного рогатого скота был Сыйыргын, мелкого – Аймуш, представлявшийся как в человеческом облике, так и в образе белого барана с золотыми рогами, коз – Маккуруш, коней – Зуйкьун.

Поздней осенью, в ноябре, когда всю скотину спускали с альпийских лугов в предгорья и завершалась стрижка «кьыркьу», в честь стригалей устраивалось празднество, на котором в большом количестве участникам подавали «кьыркьар хычын» – большой пирог с начинкой из жирного мяса и масла, слабоалкогольный ячменный напиток «баксыма» – древнетюркское – «бухсум» [22, с. 51], ячменное темное пиво – «кьара сыра» и брагу – «боза». Каждое домохозяйство в этот период решало, сколько голов скота они смогут сохранить до «весенней зелени». Необходимое количество выделяли для приготовления заготовок-полуфабрикатов и пресервов, часть животных и продукты скотоводства – шкуры, войлочные изделия, бурки, кошмы – продавали и покупали необходимое: соль, сухофрукты, железные предметы, а также ткани иноземного производства, испанские свадебные платки, украшения, серебряную посуду и фарфор, крепкую здоровую скотину оставляли для воспроизводства. В честь случки коров пекли большой, толстый «сыйыр хычын», начиненный рубленным мясом, кусочками жира и обжаренный в большом количестве масла.

К концу XIX в. хозяйство карачаево-балкарского народа носило товарный характер. «На осенних ярмарках большим спросом пользовался скот и продукты скотоводства. По данным Абрамовской комиссии, в 1905 году карачаевцами было вывезено на продажу 24% из общего поголовья скота, 28% лошадей и 22% овец и коз» [18, ст. вед. № 1]. «Аналогичная картина была характерна и для горцев Балкарии» [27, с. 23].

Собранные мясомолочные продукты отправляли на хранение в кладовые «гёзен»: вяленое, сушеное и копченое мясо – «согьум», топленое сливочное масло – «кьайнаган джауу», сыры хранили в растворе сыворотки «хупеги», копченый сыр «кьакь бышлакь» в бурдюках. Разновидность сыра «гыбыт бышлакь» вызревала прямо в бурдюке из створоженной и спрессованной массы, сушеный сыр «кьурт» в корзинах «четен». Сыр изготавливали из цельного козьего, овечьего и коровьего молока. Из овечьего молока получали наиболее вкусный и качественный сыр «кьой бышлакь» и брынзу «кьой сюзме». Козье молоко для изготовления сыра использовалось меньше, так как оно шло на производство кефира «гыпы-айрана». На зиму заготавливали кисломолочный соус-приправу на основе айрана «тузлукь», в нем же консервировали бараньи головы, тушеное мясо «кьуурма» хорошо сохранялось в кожаных емкостях «гыбыт» и в деревянных кадках «джыкьыр». Ароматные копченые курдюки, колбасы – «кьыйма» и «кьазы», сушеные «джермеле» собирали в коробки «гырын». Для хранения зерна использовалась специальная плетеная из прутьев орешника круглая большая емкость более двух метров в высоту на опорах – «гён», покрытая сверху кожей (ПМА. Хаджиев), а также зерно помещали в мешки «тулукь» из шкуры бычков, ящики «гюрбе», горшки для хранения зерна и соли из тыквы-горлянки «кьуту». Из шкуры овец изготавливали мешки «кьапчыкь», в которых крупа и мука могли храниться долгое время.

Как отмечает М. Ч. Кудаев, у балкарцев был древний обычай заключать в месяце Кьыркьаууз искусственные формы родства, то есть родниться с соседними народами. Праздник проводился после окончания полевых работ, в жертву приносили бычков, баранов, птицу, пироги. Между балкарцами и осетинами-дигорцами устраивались состязания по приготовлению шашлыков, пастушьих колбас (кьыйма, джерме, сохта) и шашлыков из печени, ребрышек. Умение правильно разделить вареное мясо на почетные и непочетные части, чисто и аккуратно приготовить ножки и головы жертвенных животных было обязательным условием участия в такого рода мероприятиях. С мясом крупных и мелких животных имели дело только мужчины. Девушкам поручалось приготовление блюд из птицы и дичи и хычынов с начинкой из мяса, картофеля, сыра, творога, повидла и бёреков. Когда все было готово, слово давалось старейшим с обеих сторон, самый почетный произносил здравицу в честь праздника: «Окончена работа, и лучшие люди с гор и долин спешат на званный пир, который проводится на берегу речки Аргын» [12, с. 87].

«Соседи и друзья – балкарцы и дигорцы –
Съезжались в Татартюп, где древний минарет,
Чтоб делом доказать согласия примеры,

Чтоб вместе быть в часы и радостей, и бед.
Лицом к лицу за стол садились аксакалы,
Поставив хлеб и соль в знак дружбы пред собой» [Там же, с. 94].

Перед началом молотьбы, на току – «ындыр», всем обществом приносили жертвоприношение в честь Эрирея, он был очень важным представителем аграрного культа, патроном молотьбы и древним покровителем земледелия, грозы и ветра. В больших казанах варили мясо, женщины готовили колбасы «сохта», «джерме», начиненные ливером и ячменной или рисовой крупой. Пекли хлеб, просили у патрона сносных погодных условий, здоровья людям, выносливости быкам.

К Эрирею обращались в конце ноября «Абустолну биринчи айы», одновременно просили послать добрые ветры и чисто провеять ячмень, пшеницу и просо покровителей ветра Химикки и Гория. С особыми молитвами-заговорами первый сноп заносили на гумно, его зерна хранили до весеннего обряда первой борозды «Сабан-той». Зерна последних сжатых снопов использовали для приготовления ритуальных пирогов «хычын» на празднике жатвы и перед выходом косарей на сенокос.

В гимнах, молитвах, заговорах в отношении к патрону молотьбы, «богу хлебов», как называет не без основания Эрирей И. М. Шаманов, нет особого трепета и благоговения, это скорее трудовой договор, со всеми желательными последствиями:

«Пусть светел будет день жнеца!
Эрирей явится с ветром,
Зерно провеет всем селом.
Эй, если Эрирей даст, все у нас сладится» [6, с. 128].

В приведенном ниже отрывке из классического магического заклинания с функциональным календарным содержанием мы видим, насколько молитва-обращение, молитва-просьба, которая еще не заключена в жесткий каркас веры, приближена к практической деятельности человека. Народ обращался к тому, кто в силе помочь и оберечь, к тому, кто тождественен с теми богами, патронами и покровителями чего они являлись:

«Эрирей, Эрирей, Эрирей!
Начинай, марджа!
Эрирей призываем всем селом, дай нам провеять зерно на ветру» [15, с. 28].

Молитвы, песни-заговоры, обращенные к Эрирею, достаточно монотонны с бесконечно повторяющимся именем божества или покровителя, что непременно должно было воздействовать на небожителя.

«Эрирей-Эрирей, сильный и упитанный,
Эрей, Эрей, Эрей!
Пусть наш ток доверху наполнится зерном!» (ПМА. Узденова).

Последний общественный праздник в цикле осенней календарной обрядности карачаево-балкарского народа был «Гябчи», устраиваемый в честь окончания сельскохозяйственных работ. В нем участвовали в основном молодежь и подростки.

Обрядово-ритуальные действия, связанные с пищей, производились в определенное время года и были направлены на хозяйственное благополучие. Они включают:

1) ритуальные действия с пищей, которые всегда начинались с принесения жертвоприношения и заканчивались обязательной общей трапезой;

2) обращения, способные менять внутреннюю и внешнюю реальность, их сила в звучании, многократном повторении всем сообществом: общественные моления, словесные формулы, гимны, песни, заговоры, благопожелания;

3) установление диалога с теми, кто ответственен за исполнение запрашиваемого: богом Тейри, покровителями стихий Химикки, Суу-Анасы, Мамметир, Горий, Дауле, Эрирей, Элия, Шибла, Чоппа, Сыйьргын, Аймуш, Маккуруш, Зуйкьун и, конечно, взаимодействие с духами предков. Многократное повторение имени снова и снова уже влечет за собой возникновение контакта и контроля над тем, чье имя произносится и ассоциируется с нужным объектом;

4) жертвоприношения и дары, которые являлись частью общинного договора с высшими силами. Люди добровольно отдают сакральному миру и его обитателям часть своей собственности с целью умиловления и защиты, получения помощи, подсказок, жизненных благ, участия в жизни общества, в благодарность за исполнение просьбы, как плату за принятие в «мир сирот» ушедших от нас родных и близких. Следует отметить, что отношения между людьми и высшими силами понимались как договорное партнерство.

Связь жертвоприношения и праздника отражена в этимологии самого термина «той», который означает «праздник» и «есть досыта», а значит, насытить, накормить, разделить на доли, раздать как можно большему количеству нуждающихся, родственников и соседей.

Заключение

Проанализировав магику-религиозные представления и обрядово-ритуальные действия с пищей в осеннем цикле, мы пришли к выводу, что значимость использованных блюд и компонентов ритуальных кушаний

в исследуемый период сохраняется. Обрядово-ритуальные действия с пищей, ее состав, унаследованный из древнетюркской этнокультурной среды, – прежний, без значительных трансформаций. Следует отметить, что календарная приуроченность обрядовой еды к началу XX в. становится более размытой, ритуальные магические функции обрядов вытесняются и замещаются элементами игрового характера, превращаясь в общественные мероприятия, возглавляемые местными деятелями, что еще более нивелировало их тенгрианскую основу.

Пища в календарных обрядах не выступает в своем обиходном практическом значении, а выполняет ритуальную, символическую, знаковую функцию (фигурные печенья, пироги, зерновая халва, цельнозерновые каши и напитки), моделирующую благополучие семьи и всего общества. Выпекание ритуальных хлебов, пирогов, долгий, поэтапный процесс приготовления пива и браги имеет под собой особый подтекст – ослабление хаоса, обновление всего мира и восстановление порядка (начиная с обмолота, далее размолы или дробления, приготовления и выпекания и, наконец, поедания). Использование зерновых слабоалкогольных напитков, пива – «сыра» и браги – «боза» не только закрепляют традиционную обрядность календарных и семейных праздников, но и являются символами приумножения, роста и воспроизводства. Обновление изжившего себя старого мира распространялось на все общество, а не только на главных работников, собиравших урожай, заготавливающих сено, проводивших обмолот и готовивших пищу и напитки.

Характер мясомолочной пищи: мясо, курдюки, масло, жиры, сыры, творог в магических действиях в переломные моменты года, а в частности, при завершении сельскохозяйственных работ, является отражением представлений человека о магическом изобилии «берекет», символами жизнеспособности и богатства. Мясные блюда служили символом прогенитации (плодовитости), поэтому в большом количестве использовалось мясо, жир, молоко, сыр, шкуры, шерсть животных, выпекались обрядовые фигурные печенья зооморфной формы. Что касается приготовления и поедания яиц, оно связано с продуцирующей символикой яйца. Представления о яйце как символе или средстве воскресения и обновления жизни сохранились в обряде «кормления» покойных.

Знаково-символическая и функциональная составляющие пищи достаточно хорошо разработаны, они служили жертвоприношением и со временем превратились в подарки высшим силам, которые гарантировали получение богатого урожая и многочисленного приплода, счастливую жизнь и достаток. Механизм воздействия заключен в многократно повторяющихся действиях (общественные моления, жертвоприношения и дары, совместные трапезы), что объясняется замкнутостью годового цикла и подчинением всех обрядово-ритуальных действий единой цели – вырастить и сохранить урожай.

Если зимняя обрядность являлась центром божественного управления и моделирования, за выполнение запрограммированного в весенней обрядности отвечали люди, то осенняя обрядность – это сплошная признательность за богатый урожай и приплод скота, часть которых одновременно выступала эквивалентом благодарности, а также была призвана снять отрицательные характеристики с нового урожая.

Обряды и ритуалы помогали людям наладить связь с силами природы, богами, космосом и вынуждали человечество осознать, что все мы части единого целого. В своем следующем исследовании мы постараемся осветить роль пищи в летней обрядности карачаево-балкарского народа.

Полевой материал авторов

1. Богатырев Анзор Супуевич, 1925 г.р., с. Кумыш Карачаево-Черкесской республики, записи 2000 г.
2. Ортабаева Раиса Абдул-Керимовна, 1941 г.р., г. Черкесск Карачаево-Черкесской республики, записи 2017 г.
3. Узденова Галина Гитчиевна, 1920 г.р., станица Красногорская Карачаево-Черкесской республики, записи 2018 г.
4. Хаджиев Хамит Муссаевич, 1937 г.р., г. Черкесск Карачаево-Черкесской республики, записи 2012 г.
5. Эбзеева Аслыхан Ахлауовна, 1930 г.р., с. Кумыш Карачаево-Черкесской республики, записи 2011 г.

Список источников

1. Алексеева Е. П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.: Восточная литература, 1992. 216 с.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3-х т. М.: Академический проспект, 2013. Т. 2. 410 с.
3. Бестужев-Марлинский А. А. Второе полное собрание сочинений: документально-художественная литература: в 10-ти т. СПб.: Типография Министерства Государственных Имуществ, 1847. Т. 4. 498 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2013. 1376 с.
5. Данилевский Н. Я. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М.: Книга по Требованию, 2011. 198 с.
6. Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: краткий очерк. Нальчик: Эльбрус, 1995. 256 с.
7. Исторические сведения о тюрках Восточной Европы: сборник материалов: в 2-х т. / сост. М. Ч. Джуртубаев. Нальчик: Принт-Центр, 2018. Т. 1. 655 с.
8. Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской области: в 2-х ч. Тифлис: Типография А. А. Михельсона, 1888. Ч. 1. 349 с.
9. Карачаевцы и балкарцы: этнография, история, археология / отв. ред. С. А. Арутюнов. М.: Координационно-методический центр «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии РАН, 1999. 383 с.
10. Ковалевский М. М., Иванюков И. И. У подошвы Эльбруса. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 80 с.

11. Коран. Перевод смыслов и комментарии / пер. с араб. В. Пороховой. М.: РИПОЛ классик, 2015. 800 с.
12. Кудаев М. Ч. Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик: Эльбрус, 1988. 128 с.
13. Кулешов П. Н. Овцеводство России // Кулешов П. Н. Избранные работы. М.: Госиздат сельскохозяйственной литературы, 1949. С. 197-212.
14. Малкондуев Х. Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1990. 152 с.
15. Малкондуев Х. Х. Мифология балкарцев и карачаевцев // Фольклор народов Карачаево-Черкесии (жанр и образ): сборник научных трудов / отв. ред. А. И. Алиева. Черкесск: Изд-во Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» НИИ истории, филологии и экономики, 1988. С. 24-40.
16. Окуджава Б. Ш. Стихи и песни. Упраздненный театр. М.: Зебра-Е; АСТ, 2017. 752 с.
17. Патканов К. П. История агван Мойсея Каганкатваца, писателя X века. СПб.: Императорская Академия наук, 1861. 376 с.
18. Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области // Кубанский сборник. 1910. Т. 15. Статистическая ведомость 1. С. 338-347.
19. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды. Владикавказ: Тип. Терского Обл. Правления, 1903. 154 с.
20. Урусбиева Ф. А. Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1979. 96 с.
21. Феофилакт Симокатта. История / отв. ред. Н. В. Пигулевская; пер. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 224 с.
22. Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1980. 152 с.
23. Хаджиева М. Х. К вопросу о культе коня у тюрков // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков к грядущему: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Черкесск, 12-13 октября 2016 г.). Черкесск: Изд-во Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева, 2016. С. 195-199.
24. Хаджиева М. Х. Продукты и блюда в системе питания карачаево-балкарского народа // Вестник Карачаево-Черкесского республиканского института повышения квалификации работников образования: междисциплинарный научно-методический журнал. 2017. № 6. С. 83-89.
25. Хаджиева М. Х. Традиционная система питания карачаевцев и балкарцев в XIX-XX вв.: автореф. дисс. ...к. ист. н. Нальчик, 2008. 24 с.
26. Шаманов И. М. Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии: материальная и духовная культура / отв. ред. Е. П. Алексева. Черкесск: Изд-во Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» НИИ истории, филологии и экономики, 1982. С. 155-170.
27. Шаманов И. М. Календарь и календарная обрядность карачаевцев и балкарцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии / отв. ред. В. П. Кобычев. Черкесск: Изд-во Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» НИИ истории, филологии и экономики, 1989. С. 5-48.
28. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1936. 573 с.

Информация об авторах | Author information

Хаджиева Мадина Хамитовна¹, к. ист. н., доц.

Аджиева Лаура Алиевна²

¹ Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований, г. Черкесск

² Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск

Khadzhieva Madina Khamitovna¹, PhD

Adzhieva Laura Alievna²

¹ Karachai-Cherkess Institute for the Humanities, Cherkessk

² Umar Aliev Karachai-Cherkess State University, Karachayevsk

¹ b.madina73@yandex.ru, ² l.adjieva@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.05.2020; опубликовано (published): 09.04.2021.

Ключевые слова (keywords): календарные обряды и ритуалы; ритуальные функции пищи; символика пищи; жертвоприношения и дары; духи предков; боги; покровители стихий; карачаево-балкарцы; Северо-Западный Кавказ; calendar rites and rituals; ritual functions of food; food symbolism; sacrifices and offerings; spirits of ancestors; gods; lords of the elements; Karachay-Balkar people; North-Western Caucasus.